

В памяти вечно живые

Ветераны ЦНИГРИ – участники Великой Отечественной войны

*Мы преклоняемся «...перед теми, кто в самый трудный час, не колеблясь, встал на защиту Отечества, в ком чувство долга оказалось сильнее страха, инстинкта самосохранения и любых личных устремлений, кто пожертвовал всем, чтобы защитить от унижительного рабства своих сограждан...»**

Ижорский Александр Васильевич родился в 1925 г. Работал слесарем по КИП и автоматике института. В 1942 г. добровольно пошёл на фронт, воевал в составе 1-го Украинского фронта, оккупационной армии в Германии. Награждён орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны II степени», медалями «За боевые заслуги» и др.

Манилов Сергей Александрович родился в 1925 г. Директор базы отдыха института. Служил в Советской Армии с 1943 по 1946 гг. Окончил военно-инженерное училище, участвовал в освобождении Польши. Награждён орденами «Золотой крест за заслуги ПНР», «Отечественной войны II степени» и медалями.

Мартынов Владимир Тимофеевич родился в 1925 г. Старший научный сотрудник института, кандидат технических наук. В Советской армии служил с 1943 по 1947 гг. Старший сержант, механик-водитель танка Т-34 и установки СУ-76. Воевал в составе войск Западного и 2-го Белорусского фронтов. Ранен на Курской дуге и под Ковелем. Инвалид Великой Отечественной войны. Награждён орденом «Отечественной войны I степени» и медалями.

*Предисловие к книге «Геологи на войне». – М., 1995.

Болотов Леонид Александрович родился в 1918 г. Старший научный сотрудник отдела морской геологии. Участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 по 1945 гг. в качестве капитана-инженера по взрывным работам. Оборонял Москву, принимал участие в Сталинградской битве, в боях на Курской дуге, освобождал Киев, готовил парад Победы в Москве. Награждён орденами «Красного Знамени», «Отечественной войны II степени», медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда» и др.

Мой боевой путь...

26 июня 1941 г. я окончил Ленинградский горный институт и в тот же день вступил в народное ополчение г. Ленинград. Затем учёба на курсах лейтенантов при Военно-инженерной Академии им. В.В.Куйбышева. После присвоения воинского звания лейтенант 11 октября 1941 г. меня направили для прохождения дальнейшей службы в Специальную группу Главного военно-инженерного управления Красной Армии. В тот же день на совещании в Моссовете было принято решение о подготовке важнейших промышленных объектов Москвы к уничтожению.

Утром 12 октября я прибыл на электростанцию и приступил к формированию подрывного отряда. В течение 12–20 октября завод был полностью заминирован и в таком состоянии находился до 10 декабря. В середине декабря завод разминировали, и я участвовал в разминировании других объектов г. Москвы. В частности, на опорах Бородинского и метромоста через Москву-реку было обнаружено такое количество взрывчатки, которого хватило бы на разрушение обоих мостов.

В апреле–июне 1942 г. я участвовал в обучении партизанских отрядов в районе г. Тула. Ночные учения проводились в районе Косогорского металлургического комбината и Ясной поляны.

С 31 июля 1942 г. по 3 февраля 1943 г. находился на Сталинградском фронте. В начале августа был заминирован первенец первой пятилетки – Сталинградский тракторный завод. В конце августа в результате бомбёжек и артобстрела завод был полностью разрушен, и меня направили на Сталинградскую ГРЭС. В зависимости от обстановки на фронте 8 раз заминировали и разминировали станцию. Станция всё время работала. За выполнение Сталинградской операции я был награждён орденом Красной Звезды, который мне вручили в Кремле в ноябре 1944 г.

В июле–августе 1943 г. принимал участие в разминировании объектов на Курской дуге, в частности, в г. Орёл разминировались здания для государственных и партийных организаций.

В октябре–ноябре 1943 г. я принимал участие во взятии г. Киев. После освобождения города разминировал театр оперы и балета им. Т.Г.Шевченко.

В апреле–мае 1944 г. принимал участие в разминировании объектов Крыма, и в частности, городов Симферополь и Старый Крым.

Последнее «боевое» задание – инженерное обеспечение Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

Из книги «Геологи на войне», 1995 г.

Лебедев Виктор Викторович родится в 1926 г. Старший научный сотрудник, высококвалифицированный специалист в области технологии горных работ при разработке и разведке месторождений, кандидат технических наук, автор более 70 опубликованных научных трудов. В августе 1943 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии и сразу же попал на передовую. Участвовал в боях в составе стрелковой дивизии 3-ей Армии, в частях III Берлинского фронта прошёл до Берлина. 7 декабря 1943 г. семнадцатилетний командир отделения сержант Виктор Лебедев был тяжело ранен и после излечения ещё в течение 5 лет находился в действующей армии. Демобилизовался только в 1949 г. Награждён орденом «Отечественной войны II ст.», медалями «За боевые заслуги» и др.

Как это было

Сам я из Орла. При взятии немцами города мы всей семьёй (отец, мать и я с 4-летней сестрой) двинулись к Туле. В 50 километрах к северу от Орла нас обошли немецкие войска, которые быстро продвинулись по шоссе далеко вперёд. На семейном совете решено было оставить мать с детьми в глухой деревне у дальней родственницы на границе Орловской и Калужской областей, а отец с группой железнодорожников просёлками пошёл к Туле. В деревне мы провели всё время фашистской оккупации.

С приходом Красной Армии в августе 1943 г. вернулись в Орел. По совету «мудрых» людей я сразу же пошёл в военкомат, что могло обеспечить мне некоторые «преимущества»: во-первых, ко мне будет благосклонное отношение, так как я ещё не достиг призывного возраста, во-вторых, предполагалось, что меня направят в военное училище. Но всё произошло иначе. Военкомат направил меня на сборный пункт, где через несколько дней была сформирована маршевая рота. С этой ротой меня направили на пополнение 269-й стрелковой дивизии 3-й армии, которая с боями продвигалась к Белоруссии. Прибыв в 1020-й полк, мы в спешном порядке были обмундированы, вооружены учебными винтовками, приведены к присяге и брошены в бой. Так я получил первое боевое крещение.

Как потом выяснилось, самое главное во фронтовой жизни – уцелеть в первом бою! После этого начинают вручать солдатские заповеди: не лезь в кучу людей во время атаки, старайся выйти на открытое место; не бойся выскакать из окопа после сигнала ракеты; оставь на потом «наркомовские» 100 граммов – пригодятся; не залгай в испуге перед немецкими окопами, иначе – крышка; не жди помощи при ранении, торопись

убраться назад, на исходную позицию. Благодаря этим заповедям, а может быть чему-то другому мне удалось уцелеть в четырёх наступлениях.

Распорядок фронтовой жизни был таким. Солдат выполняет две основные функции: совершает ночной марш-бросок и, прибыв в назначенное место, начинает окапываться. Закончив работу, слышишь команду: «Приготовиться к построению!». И всё повторяется сначала. Спать приходится на ходу: ноги идут, голова спит.

Что самое страшное на фронте? Это когда на тебя ползёт «Фердинанд», и когда ожидаешь в окопе сигнала к атаке. А ещё лично мне было очень страшно, когда мы всё же залегли перед немецкими траншеями, и я лежал, притворившись мёртвым, в картофельной борозде до темноты. Потом принял такое решение: неожиданно вскочить и бежать к своим. Спасло меня от смерти то, что провалился в картофельную яму, выбраться из которой удалось только глубокой ночью. Явился к своим, как с того света – меня уже никто не ждал. После этого боя от роты в живых осталось трое.

Вскоре нас отвели с передовой на кратковременный отдых. Здесь меня как одного из образованных (всё-таки окончил 8 классов) откомандировали в полковую школу младших командиров. Обучение продолжалось три недели, после чего в канун 26-й годовщины Октябрьской революции нас выпустили сержантами и направили обратно в свою часть.

День 7 декабря 1943 г. запомнился на всю жизнь, хотя вначале всё было как обычно: на рассвете – очередная подмена смертников в траншеях с традиционным приветствием «Здорово, славяне!», 40-минутная артподготовка, принятие «жидкости» из фляги и атака.

Чувствовал, что со мной должно что-то произойти, но сам себя успокаивал, что ничего плохого не случится.

Пробежав вперёд 100–150 метров, получил сильный удар и очутился на земле. Согласно заповеди, сгоряча вскочил и побежал в обратную сторону. Тут я попался на глаза замкомбата по политчасти, который оттащил меня дальше в тыл и загрузил на санитарную повозку соседнего полка. Предварительно я был перевязан девушкой-санинструктором. Моё счастье, что ранили в числе первых, когда ещё оставалась возможность быть подобранным с поля боя.

Дальше начались мои странствия как «ран-больного»: медсанбат, полевой госпиталь, эвакогоспиталь, санитарный поезд, госпиталь в г. Саранск. Ранение оказалось тяжёлым: разрывная пуля пробила правое плечо и на выходе разворотила лопатку.

В марте 44-го ко мне приехал отец с ценной бумагой: орловский гарнизон брал раненого земляка на дальнейшее излечение и содержание. Как выяснилось, родные стены помогают не только в спорте, поскольку ещё излечивают и душу. Мне разрешили находиться дома при условии регулярного посещения находящегося рядом привокзального госпитального пункта. Там мне делали перевязки и разрабатывали плечевой сустав. Улыбчивые лица, ласковые сердца и заботливые руки женского медперсонала сделали своё благородное дело: после четвёртого ежемесячного обследования гарни-

зонной комиссии при областном госпитале в августе 1944 г. последовал вердикт: «Годен к нестроевой!»

Опять военкомат и приписка к 5-й фронтовой трофейной бригаде, которая в сентябре начала продвижение от Орла к линии фронта, проходившей в Польше. Мне исполнилось 18 лет, и в атаку я больше не ходил.

Главной задачей бригады в Польше была эвакуация наших подбитых танков и автомашин после сражений (у городов Люблин, Радом, Варшава, Познань). С вступлением на территорию Германии наша часть занималась в основном демонтажом и вывозом оборудования (в городах Рансдорф, Потсдам, Магделург, Ваймар, Лейпциг, Хемниц, Ауэ).

Конец войны застал меня в одном из городков в 40 км от Берлина. 2 мая на грузовике бросились в столицу Рейха. Расписались на одной из стен Рейхстага, поскольку все колонны уже были заполнены автографами победителей.

После демобилизации и возвращения в Орёл поступил в ноябре 1949 г. в вечернюю школу рабочей молодёжи и летом следующего года сдал экзамены за 9 и 10 классы...

В послевоенные годы в День Победы я часто ходил в Парк им. Горького на встречи фронтовиков. Ветеранов 269-й дивизии видел, но знакомых не встречал: полегли, видимо, все. Вечная им слава и память!

(Со слов В.В.Лебедева, записал Ю.Т.Смирнов)

Иллюстрации А.Д.Юргиной

Шебеко Михаил Болеславович родился в 1918 г. Начальник штаба ГО института. В июне–августе 1941 г. служил на подводной лодке Щ-405, базировавшейся в Кронштадте, в бою был тяжело ранен. После госпиталя служил в Военмориздате и в разведотделе Краснознаменного Балтийского флота. Уволен по болезни в марте 1945 г. Инвалид Великой Отечественной войны. Награждён орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны I степени», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

На Балтике

В боевых действиях мне пришлось принять участие с первых дней войны. В июне 1941 г. наша подводная лодка «Щ-405» в составе небольшого отряда вышла из Кронштадта. В пути транспорт, который мы эскортировали, подорвался на одной из неконтактных мин, расставленных немцами на фарватере, лодка подвергалась налётам вражеской авиации.

В течение месяца мы блокировали немецкие суда в порту Свинемюнде, затем лодка была атакована сторожевыми кораблями неприятеля. Нам удалось уйти от преследования, но в этом бою погибли командир лодки, его заместитель и два связных, после чего я принял командование на себя.

11 августа 1941 г. после ночной штормовой вахты на командирском мостике я отдыхал в каюте, когда подлодка внезапно приняла вертикальное положение, колом пошла ко дну и на задредельной глубине носом зарылась в илистый грунт. При этом оказались повреждёнными цистерны, заклинило кингстоны и торпеды в торпедных аппаратах, аккумуляторы залило морской водой, и из них стал выделяться хлор.

Всё-таки нам удалось всплыть.

Когда лодка находилась в надводном положении и личный состав занимался устранением повреждений, два самолёта противника «Фокке-Вульф» стали поочередно заходить с кормы, бомбить и расстреливать лодку. Управляя зенитной артиллерией и манёвром, мне удалось обеспечить сохранность под-

лодки, но перед погружением я был ранен в левую руку и в грудь. До сих пор живу с пулей в сердце.

Через трое суток меня в бессознательном состоянии доставили в госпиталь на острове Даго. При бомбёжке госпиталя я получил контузию.

Остров находился в окружении противника, поэтому в госпитале никто не задерживался. С повязками на груди и руке мне разрешили выполнять обязанности консультанта по военно-морским делам при штабе обороны острова. С моим участием был высажен десант на материк для отвлечения удара гитлеровцев от Таллина. Однако из-за ухудшения моего здоровья командующий обороной острова генерал-майор Елисеев распорядился отправить меня на «Большую землю». В ночь на самолёте «Дуглас» вместе с другими ранеными и жёнами командиров, под обстрелом зенитных орудий мы над территорией Финляндии перелетели в г. Тихвин.

Более полугода я находился на излечении. В дальнейшем служил в Военмориздате в блокадном Ленинграде, а с июля 1944 по февраль 1945 гг. – в действующем подразделении разведотдела Краснознаменного Балтийского флота.

В связи с ухудшением состояния здоровья 3 марта 1945 г. мне пришлось распрощаться с воинской службой. Я был демобилизован и признан инвалидом ВОВ 2-й группы.

Из книги «Геологи на войне», 1995 г.

Яковлев Лев Ильич (1924–1998) – ведущий научный сотрудник отдела геологии золота, кандидат геолого-минералогических наук. Первооткрыватель месторождения (1965), кавалер ордена Дружбы народов (1995). Служил в Советской Армии с сентября 1942 г., а с февраля 1943 г. воевал на юго-западном направлении. Участвовал в боях на Курской дуге, был тяжело ранен. Инвалид Великой Отечественной войны. Награждён орденом «Отечественной войны I степени» и медалями.

Курская битва

Для меня война – это Курская битва с 5 по 14 июля 1943 г., когда люди почти голыми руками перемалывали танки. Но сначала я со школой работал на строительстве оборонительных сооружений, пока немцы не прорвались 16 ноября под Наро-Фоминском, потом была школа военных моряков за Жуковским мостом, особый батальон на Дубининской. В августе 1942-го меня мобилизовали и отправили в Ярославское миномётно-пулемётное училище. Помню, что преподаватели училища сами рвались на фронт и время от времени менялись. Занятия начались в октябре, а незадолго до выпуска нас подняли по тревоге и погрузили в эшелон. Так я и остался рядовым. Это было в конце Сталинградской битвы, и везли нас против Манштейна, но пока везли, всё закончилось.

Попали мы на Воронежский фронт, во 2-й батальон 280-го полка 92-й гвардейской дивизии. Весну и начало лета простояли в обороне, а за 10 дней до начала Курской битвы переместились во 2-й эшелон в Корочу. 5 июля с утра была слышна страшная канонада, в 4 часа дня марш-бросок к передовой. К утру мы прошли около 80 километров с полной боевой выкладкой и заняли позиции.

Немцы двигались на танках. Перед нами был противотанковый ров. Немцы подвезли на автомашинах наших пленных, те стали закапывать ров. По своим стрелять не будешь. Засыпали, танки двинулись дальше. Против нашей роты было до сорока танков. Кто не выдержал, побежал – сразу конец: задавят или расстреляют. Кто выдержал, усидел в окопе, пока они через нас пёрли, тот может дальше воевать – сзади гранатой его противотанковой или бутылкой...

В первом бою я прочувствовал уже до нюансов, когда снаряд летит, и где он будет рваться, когда мина, а сначала ничего не мог поделывать, потому что слишком много шума вокруг: и снаряды, и мины, и пулемёты, и автоматы, и пули свистят кругом. С этим надо разобраться, потому что потом некогда смотреть. Тут работает чисто звериный инстинкт

...К вечеру, когда немцы рассеялись, остатки нашего батальона оказались в пустоте – ни немцев, ни наших. И связи никакой ни со штабом, ни с кем. Дождались темноты, комбат повёл к своим. Уже нас 317 оставалось всего. Ну это мы потом сосчитали, когда добрались. К рассвету всё-таки вышли – комбат нашёл лазейку! А дальше все дни по одному сценарию: утром бой, ночью выходим из окружения, немного спим, иногда получаем пополнение, утром занимаем новые позиции. Отличались дни только по количеству атак и когда сколько выбьют. Ну восьмого бой тяжелее был. Во-первых, батарею нашу уничтожили ещё накануне, от пулемётной роты осталось только три человека, считая командира. Было одиннадцать атак. Немцы как-то всё больше нажимали на фланги. Траншеи были не сплошные, а прерывистые, метров через 200–250, до 400. Между ними всё простреливалось. На соседей здорово наседали, у них патроны кончались. Командир говорит: «Надо патронов им подбросить. Кто доброволец?» Я пошел. 250 метров надо было проползти. Бежать бесполезно – огонь шквальный. Полз как змея. Со мной целый вещмешок с патронами, автомат. Их командир спрашивает: «Останешься атаку отбить?». Но для меня наш командир роты был бог. А если подумают, что отсиживаюсь? Пополз обратно.

В одну из ночей, когда вышли из окружения, пришло пополнение из Узбекистана. Они говорят, что ничего не видят. Комбат сначала думал, что симулируют, потом разобрались: куриная слепота. Когда двинулись на позицию, поставили впереди одного русского, ему в руку обмотку, а дальше они за обмотку и цепочкой. К вечеру никто из них не уцелел.

Волнение, между прочим, как перед какой-нибудь ответственной защитой: страха нет, но всё думаешь, когда будет и как будет, а когда ты уже увидел опасность, поднимается такая ледяная ярость, и действуешь хладнокровно. Я никогда не думал, что можно так быстро реагировать. Потом только плохо, когда такие моменты начинаешь вспоминать.

До 14-го у меня была только одна контузия. После ждали, когда стемнеет, чтобы выходить из окружения. Спали в траншее. Укрылся плащ-палаткой, дремлю и слышу: летит самолет. По звуку вроде наш. А наш помкомвзвода Захаренко, сталинградец, воевал с первого дня, толкает меня. Я ничего сообразить не успел, а услышал: бомба летит. В три прыжка по ходу сообщения в соседний окоп. Я первый, друг мой Миша на меня, а Захаренко сверху. Было прямое попадание точно в траншею – наш «кукурузник» думал, что здесь уже немцы, сбросил 50-килограммовую бомбу. И ведь не в бруствер попал, а точно в окоп. Двое пэтэровцев там ещё спали – их наповал. Среди нас Захаренко больше всех пострадал, сверху был, а у меня контузия – выстрелы всё время мерещились.

9-го – единственный случай, когда я сразу видел столько танков. Мы занимали оборону. Впереди была балка и за ней пологий подъём до горизонта. Справа и слева небольшие дубовые рощицы. И вот вся видимая степь в шахматном порядке была заставлена движущимися танками. Артиллерии своей уже не было, и мы невольно задумались «что будет?». Но тут нас поддержали. Подъехали сзади три «катуши», развернулись прямо в степи и сыграли. Всё окуталось дымом и пылью. Когда пыль рассеялась, оказалось, что многие танки горят.

11-го вышли из окружения около Прохоровки и наблюдали знаменитое танковое сражение, правда, со стороны. Видели, как танки выходили из боя, и машины тут же подвозили им боекомплект. Танкисты

всё-таки за броней, а эти ребята на машинах молодцы! Смотреть-то особенно было некогда.

14-го перед боем построили остатки батальона, подъехал на машине командир дивизии и отдал приказ. Приказ был такой: Сынки, ни шагу назад! Ни в коем случае! И повели нас к траншеям. Немцы уже начали бить. И как назло на этот раз они решили не обходить нас, а тут пролезть. Траншеи были мелкие, но окапываться некогда, да у меня и лопатки к тому времени не было. Ну тут уж довольно рано всех перебили, батальон наш остался один, кругом никого не было. Целая гора ребят лежала. В этот день меня ранило. Сначала пулевое ранение под ключицу, правда на излёте. Потом из танка снарядом, почти в упор. Увидел только вспышку, и стало так легко и свободно, как будто во сне. Два осколка пробиты каску, а правая рука была начинена осколками как Млечный Путь звёздами. В этот день из нашего батальона осталось в живых три человека. А на следующий день на этом участке фронта наши войска перешли в наступление. Всего мы за девять дней с 5 по 14 июля отошли на 35 километров.

Когда я в первый раз увидел себя в госпитале, испугался, не узнал себя. Это был чистый скелет! Потом меня откармливали в госпиталях: и вино давали, и шиповник... Сделали операцию. Дали отпуск в Москву, домой. 5 февраля 1944 г. меня выписали, и 8 февраля я вернулся домой. Нас Яковлевых семь человек воевало, и только я вернулся. Один дядя погиб под Москвой, другой около Можайска, тоже под Москвой, третий был в пехоте, как и я, четвёртый – танкист, горел много раз, пешком в Москву возвращался и опять на фронт уходил, погиб в Берлине. Ещё один родственник моего возраста, не помню, кем доводился, погиб на Северном флоте, один был лётчиком.

Я надеялся, что всё-таки вернусь в строевую. Но военкомат направил на комиссию – локтевой сустав раздроблен, работал только мизинец – ни в какую.

После войны я ходил в дни Победы в парк культуры, надеялся кого-нибудь встретить из своих, но никого не нашёл. Не могу равнодушно слушать, когда кто-нибудь начинает про войну рассказывать. Встают перед глазами эти картины. Не могу даже фильмы смотреть.

Из книги «Геологи на войне», 1995 г.